

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕТЕЙ-ЭМИГРАНТОВ ИЗ РОССИИ В ЛИМИТРОФНЫХ ГОСУДАРСТВАХ¹ В 1920-Е ГОДЫ

А. А. Микуленок

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, Краснодар

Изучается правовое положение детей-эмигрантов в межвоенный период в лимитрофных государствах, отражается материальное и правовое положение с опорой на документы, хранящиеся в так называемом Пражском архиве (Русский заграничный исторический архив), находящемся в Государственном архиве Российской Федерации. Приводятся аналитические данные относительно численности детей-эмигрантов. Рассматривается не только социальное и правовое, но и моральное положение детей-эмигрантов в лимитрофных государствах, отмечается общее и особенное. Показаны условия проживания взрослых и детей в эмиграции, отмечается их тяжелое материальное и моральное состояние, трудности, с которыми сталкивались дети (либо необходимость работать с раннего возраста и, как следствие, невозможность посещать школу, либо занятость родителей на работе и невозможность заниматься воспитанием ребенка, что в итоге приводило к развязности и вседозволенности), обозначены факторы, повлиявшие на это, и способы оказания помощи детям-эмигрантам. Отмечены последствия, с которыми столкнулись дети в эмиграции: голод, нужда, психическое и физическое насилие и денационализация, показаны как способы борьбы с данными явлениями, так и способы оказания помощи как от правительственных, так и от эмигрантских организаций (материальная помощь, организация различных детских колоний, летних детских площадок и приютов) и трудности, с которыми они сталкивались при организационной работе. Приведен сравнительный анализ положения детей-эмигрантов в странах-реципиентах и отмечено, что положение детей было различным в зависимости от политики местного правительства в отношении к российским эмигрантам и экономического положения внутри самой страны. Кроме того, отмечается прямая зависимость правового и материального положения от экономической ситуации внутри страны-реципиента.

Ключевые слова: *российская эмиграция, денационализация, благотворительность, Гражданская война, русскоязычное население, репатриация, национальная идентичность.*

В современном мире, где военные конфликты не редкость, например, в Сирии и на Украине (в частности, Донецкая и Луганская области), вопрос правового, материального и морального положения беженцев, в том числе и детей, является первостепенным. Впервые мировое сообщество столкнулось с массовой эмиграцией людей и со всеми проблемами правового характера, связанными с ними, в том числе и с положением детей в условиях эмиграции в межвоенный период, особенно после Гражданской войны в России, когда наблюдался массовый поток беженцев в европейские страны. В данный период наиболее четко проявилось практически полное отсутствие международной системы, призванной защищать их, поэтому с первой половины 1920-х гг. неоднократно поднимался вопрос о необходимости защиты детей, что в итоге привело в 1924 г. к принятию Женевской декларации прав ребенка, которая впоследствии стала основополагающей различных конвенций и деклараций о правах детей, принятых после Второй мировой войны. Поэтому изучение достаточно узких аспектов истории российской эмиграции позволяет лучше понять основу многих международных законов, в том числе и направленных

на защиту детей, что, в свою очередь, позволит сделать все возможное для предотвращения возникновения подобных ситуаций в будущем. В межвоенный период стали разрабатываться первые законодательные акты по урегулированию правового положения беженцев, изучением которых активно занимаются современные исследователи [1, 2]. Однако самой незащищенной категорией беженцев являлись дети, которые наравне со взрослыми испытывали на себе финансовую и правовую незащищенность. Несмотря на тот факт, что исследователи уделяли внимание положению детей в эмиграции: урегулированию правового статуса беженцев [3] и проблемам воспитания детей-эмигрантов, в том числе и сохранению национальной идентичности в условиях проживания за границей [4, 5], — комплексного исследования проведено не было.

Ф. Нансен в июле 1923 г. представил Совету Лиги Наций доклад, в котором определил общую численность детей-эмигрантов в 400 тыс. человек. Однако многие русские организации, в частности Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор, РЗГК), считали эту цифру сильно преувеличенной. К началу 1924 г. общее число детей-беженцев, проживавших

¹ Под лимитрофными государствами подразумеваются приграничные государства.

в Западной Европе, составляло приблизительно 45–50 тыс. человек, из которых порядка 20 тыс. нуждались помимо материальной помощи еще и в правовой и моральной защите. Однако при подсчетах не учитывались дети коренного русскоязычного населения, проживавшего на территориях, отошедших Польше по Рижскому мирному договору 1921 г. [6, л. 1–2]. Тяжелые условия жизни в эмиграции оказали негативное влияние на детей, в первую очередь в моральном и психологическом плане. Связано это было с тем, что большинство из них было оторвано от своих родителей, занятых поисками заработка, некоторые из них были предоставлены сами себе и проводили все свободное время на улице или даже проживали там. Поэтому дети слишком рано видели всю изнанку мира, что впоследствии приводило к появлению преступных наклонностей и беспризорности. Именно поэтому многие родители предпочитали оставлять своих детей даже на летний период в школе, так как большинство из них (родителей. – М. А.) работало на фабриках, брать детей на работу было невозможно из-за ненормированного рабочего графика (необходимо вставать в 6 утра) и плохих условий труда, кроме того, на фабрике ребенку становилось скучно, и он начинал шалить и отвлекать всех вокруг [7, л. 58 об.].

Помимо тяжелого материального положения, жилищные условия эмигрантов везде были практически одинаковые: проживали либо на окраинах в самых бедных районах, далеких от соблюдения санитарно-гигиенических норм домах, либо в бараках, оставшихся от военного времени, без какого-либо ремонта, с земляным или кирпичным полом. Например, в Греции эмигранты вплоть до 1928 г. проживали в палатках, в Софии семьи занимали, как правило, либо подвальные, либо полуподвальные помещения или чердачные комнаты под крышей. Подвальные помещения были с серыми стенами, по которым бежала вода, поэтому из-за постоянной влажности они были покрыты плесенью, окна были очень маленькие и располагались под потолком, что провоцировало дефицит света. В чердачных помещениях при хорошем состоянии крыши влажность была удовлетворительной, однако зимой было очень холодно. Финансовое положение большинства эмигрантов было настолько тяжелым, что спали прямо на полу, даже в подвальных помещениях, без белья и одеял. В Румынии (Будапеште) русские проживали в самых дешевых и неудовлетворительных помещениях, как правило, в бывших военных бараках. Например, группа казаков из 30 человек, состоящая из мужчин, женщин и детей, проживала за городом в «доме» из камыша, из которого были сделаны и стены. Это сооружение находилось на берегу Дуная, возле боло-

та, заросшего камышом и тиной. В несколько лучшем положении находились эмигранты в Финляндии: в одной комнате проживало по две семьи, где одновременно спали и ели взрослые и дети. Кроме того, там же работали (клеили бумагу, отливали фигурки из гипса, вязали различные изделия из шерсти и т. д.), готовые изделия раскладывали на столах, кроватях. Комнаты убирали и проветривали редко, поэтому дети проживали в антисанитарных условиях, а именно в пыли и грязи. В схожих условиях находились эмигранты в Вильно: обычно семья (состоящая из 5–7 человек) занимала одну или две комнаты, взрослые и дети вне зависимости от половой принадлежности проживали вместе, здесь же спали, готовили еду, стирали и занимались ремесленным производством [8, с. 5–6].

Из-за тяжелого материального положения многие дети уже с 12 лет были вынуждены работать: кто-то официантом в столовой, кто-то раскрашивал мебель, чистил всякий хлам у старьевщиков, однако все дети были предоставлены сами себе. Как правило, работа была низкооплачиваемой. Например, в Болгарии, работая у кроватного мастера с 8 до 17 часов, подросток получал 15 левов в день и бесплатный обед, подрабатывая развозчиком у молочника с 6 до 9 утра – около 200 левов в месяц, или 6–7 левов в день [7, л. 59]. Например, булка хлеба стоила около 18 левов. Кроме того, работая, дети часто подвергались денационализации [9]. Например, продавая газеты и находясь целый день на улице, многие начинали забывать родной язык. Помимо этого, из-за необходимости работать многие из них попадали под дурное влияние на фабриках, улице, работе: нецензурная брань, рукоприкладство, воровство, сексуальное насилие и т. д. Как правило, такие дети, попадая в школу или интернат, вели себя слишком развязно, грубо, дерзко или, наоборот, замыкались в себе [7, л. 59]. Кроме того, многие дети-эмигранты являлись сиротами или полусиротами (имевшими одного родителя), чьи родители, не выдержав тяжелых условий, погибли в пути от болезней и голода или сошли с ума. Наибольшее число детей-сирот в 1923 г. находилось в Югославии (28,7 %) (в том числе и дети, чьи родители остались в России, так как они были эвакуированы вместе со школами-интернатами), Болгарии и Чехословакии [6, л. 7]. Таких детей размещали в приютах русских благотворительных организаций, но в большинстве случаев они смотрели «волчатами и довольно долго не могли привыкнуть к установленному порядку в приюте, отличались грубостью и полным отсутствием дисциплины» [10, л. 11].

В сложившейся ситуации дети особо нуждались в моральной и материальной помощи. Моральную помощь детям-эмигрантам в первую оче-

редь оказывала русская школа, выступающая в роли хранительницы национального лица русских детей и спасительницы их моральной стороны [7, л. 59].

Первые эмигрантские школы стали возникать еще во время эвакуации эмигрантов с юга России, они представляли собой небольшие группки, в которых проводились занятия с детьми. К 1928 г. школу посещало около 12 тыс. детей-беженцев, что составляло порядка 1/3 численности детей школьного возраста. По данным Земгора, в начале 1924 г. в Западной Европе было 90 русских эмигрантских школ – 43 средних и 47 низших, в которых обучалось около 9 тыс. детей: 7 тыс. в средней школе и 1 900 в низшей. Обучение, как правило, было бесплатное, половина детей проживала в интернате – чуть более 4 тыс., однако без учета детей-эмигрантов, проживавших в Финляндии, Латвии, Эстонии и Польше (около 12 тыс. человек), где школы финансировались только Земгором, в отличие от эмигрантских школ в славянских странах, которым оказывали всестороннюю поддержку местные правительства Югославии, Чехословакии и Болгарии [6, л. 2–3].

В особом положении находились дети в пределах вновь образовавшихся государств с проживавшим там русскоязычным населением, где их судьба полностью зависела от общей политики государства в отношении русского меньшинства. Если в части этих государств – Латвии, Эстонии и Финляндии – положение русских школ было сносным, то в других странах, например в Польше и Бессарабии (Румынии), происходило разрушение русских школ, что противоречило международным актам и собственным конституциям, гарантировавшим меньшинствам «право на развитие своей культуры и образование на родном языке» [11–13]. В наиболее выгодном положении находилась русская школа в Латвии, где, согласно действовавшему законодательству, русскоязычное население (великорусское и белорусское) по переписи 1920 г. насчитывало 157 671 человека и имело свою национальную школу. Около 4 тыс. детей русских беженцев посещали эту школу на равных правах с местным населением. Но со временем правительство начало проводить политику, направленную на сужение прав русских меньшинств, что отражалось неблагоприятно на национальной школе. В Эстонии наряду с местной школой при общей численности русскоязычного населения в 91 тыс. человек существовали и специальные «беженские» школы, содержавшиеся на средства Земгора. В сходном положении находились и школы в Финляндии, где большинство школ являлись смешанными, с большим количеством детей-беженцев, где в общей сложности обучалось около 1 260 человек.

В Литве с 50-тысячным русским населением (2,5 %) было всего одно русское среднее учебное заведение в Ковно. Всего в русских и белорусских школах обучалось около 40 % русскоязычных детей, остальные обучались в местных литовских или польских школах. Самое неблагоприятное положение было у русской школы в Польше, где правительство проводило политику, направленную на разрушение русскоязычной школы [6, л. 9–10]. Однако, несмотря на необходимость получения образования, многие дети вынуждены были совмещать учебу и работу: учащиеся младших классов разносили и продавали газеты или помогали родителям на рынке в качестве посыльных и разносчиков, в старших – устраивались на завод, на стройку или в магазин. Как правило, рабочий день начинался в 5–6 утра, а занятия в школе – вечером. Следовательно, дети шли на занятия сразу после работы, домашнюю работу делали тайком в рабочее время (уроки учили украдкой, предварительно выписав на полоску бумаги, спрятанную во внутреннюю сторону борта пиджака) [8, с. 14].

Большую помощь детям оказывал Земгор, предоставляя детям бесплатное питание в виде 500 г хлеба для младших и 600–700 г для детей более старшего возраста и по 100 г мяса 2–3 раза в неделю [8, с. 7]. Другая организация, в первые годы эмиграции снабжавшая детей бельем, одеждой, продуктами питания, – Американский Красный Крест, но к середине 1920-х гг. все иностранные организации прекратили оказывать помощь [14, л. 70]. Кроме того, в начале 1920-х гг. помогала детям Британская миссия, но впоследствии из-за отсутствия денежных средств была вынуждена прекратить раздачу детских обедов, другая благотворительная организация – Дамский комитет – ввиду нерегулярного получения финансирования иногда лишала детей завтрака [15, л. 61]. Например, в Финляндии русские дети не получали никакой помощи из-за тяжелого материального и правового положения эмиграции и отсутствия благотворительных обществ. Правительство же не оказывало никакой помощи, кроме того, вследствие экономического кризиса все детские интернаты, за исключением одного, были закрыты, и многие дети, живя дома, голодали. В Болгарии, напротив, русским детям выдавали специальный продуктовый паек на 10 стотинок в день, но к середине 1920-х гг. его сократили и планировали отменить из-за отсутствия средств. Положение осложнялось тем, что трудное экономическое положение родителей увеличивало число голодных детей, нуждающихся и в хлебе, и в крове, и в одежде. Во Франции, например, была другая проблема – при хроническом недоедании большинство детей болело туберкулезом. Единственное русское учреждение, оказывавшее помощь

русским детям, – Перевенториум, однако финансировался он исключительно за счет частных пожертвований [7, л. 59, 76].

Поэтому, находясь в безвыходном положении, родители пытались зачислить своих детей в приют, где они имели бы возможность получить образование и питание по возможности бесплатно [15, л. 25]. Часто в своих письмах матери жаловались на тяжелое положение: «Я смучилась, дети голодают возле меня в буквальном смысле этого слова. Горе, нужда и вечная забота – чем накормить детей. Вы знаете, какой Святослав у меня слабенький, худенький – кости да кожа: уж голодно живем. Нет, брать к себе я больше не буду – не в силах»; «1 год назад я похоронила мужа, а в прошлом месяце и последнюю опору – брата. С тех пор как заболел муж, сын был предоставлен самому себе, все мое внимание направлено на то, чтобы заработать на кусок хлеба... возьмите его и спасите»; «постоянное общение с грубыми людьми сделало из моего сына типичного грубияна. Я, к сожалению, целый день занята и не могу за ним присматривать... возьмите его к себе в гимназию» [7, 58 об.].

Огромную помощь социально не обеспеченным семьям в первой половине 1920-х гг. оказывал приют Международного общества помощи детям, который брал детей на временное содержание. Однако ввиду большого количества воспитанников условия приема в приют были изменены: принимали сирот и полусирот в возрасте от 3 до 12 лет, не имевших никаких эпидемиологических заболеваний и с достаточным количеством нижнего белья, одежды и обуви. Оплата за каждого ребенка составляла 25 злотых еженедельно и осуществлялась за полгода вперед [16, л. 20]. Например, в Болгарии обычный обед или ужин состояли из картофеля с луком, иногда с небольшим количеством овечьего сыра и хлеба, в Финляндии рацион был несколько разнообразнее: черный хлеб с маргарином вместо масла, селедкой, кашей, овощами и грибами, на обед – картофельный суп, но без мяса, яиц и белого хлеба, в Польше – картофель с ржаным хлебом, вместо чая, который пили дети в Финляндии, цикорий. Для большинства детей не только мясо, но и хлеб были роскошью, поэтому, получая его каждый день в интернате, дети говорили, что «они к этому не приучены» [8, с. 7].

К середине 1920-х гг. в польских лагерях интернированных наряду со взрослыми находились и дети. Например, в Стржалково первоначально было 49 детей в возрасте от 1 года до 14 лет, большинство из которых посещали детский сад, организованный там же. К ноябрю 1924 г. осталось только 16 детей (10 девочек и 6 мальчиков) в возрасте от 2 до 8 лет [16, л. 22, 25]. Поэтому с апреля 1923 г. в Варшаве существовал Комитет помощи

детям русских эмигрантов в Польше, первоначально занимавшийся оказанием помощи детям интернированных и другим в виде денежного пособия, теплой одежды и белья [17, л. 26–26 об.; 18, л. 8]. Однако по мере сокращения числа интернированных в лагерях и ликвидации последних комитет перепрофилировался для оказания материальной и культурно-просветительской помощи детям русских эмигрантов, существуя исключительно за счет членских взносов, частных пожертвований и доходов от сборов в церквях и различных благотворительных концертов. Кроме этого (организации вещевой, денежной, питательной, медицинской помощи), комитет организовывал концерты, как правило, в зимний период, различные игры и чтения для детей, летом организовывалась детская площадка [19]. Так, в ноябре 1923 г. митрополит Дионисий дал разрешение на продажу цветов у входов православных храмов Варшавы и кружечный сбор, кроме того, митрополит пожертвовал 50 злотых [16, л. 19]. Помимо этого, для сбора денег устраивали различные благотворительные балы, вечера. Например, во Франции организовывались так называемые голодные пятницы для сбора денег на нужды детей. Пожертвования принимались в русских ресторанах. Как правило, основными жертвователями были русские шоферы и разнорабочие автомобильных заводов, поэтому для удобства сбора взносов были установлены сборные пункты в гаражах и автошколах. Кроме того, русские книготорговцы регулярно объявляли в газетах о проведении различных благотворительных мероприятий, например, передача 10 % от выручки (в Страстную пятницу, в конце апреля или в период праздничной торговли) в пользу нуждающихся детей [7, л. 71–71 об.; 20, л. 50, 52].

Другой вид помощи – организация различных детских площадок, «колоний», приютов и т. д. Например, в Бельгии с 1922 г. при содействии короля и королевы и под председательством наследного принца комитет при посредничестве Польского правительства размещал в специализированных приютах и детских «колониях» порядка 10 тыс. детей в возрасте до 10 лет из голодающих районов Советской России, для которых открывались специальные приюты и «колонии» с русскоязычным воспитательным и учебным персоналом для сохранения национальной идентичности детей. Однако многие родители не хотели расставаться со своими детьми и отправлять их так далеко одних, опасаясь за их безопасность и возможность «денационализации». Кроме того, планировалось включить в число «воспитанников» и детей «русских репатриантов», в том числе и сирот, т. е. тех, кто в период Первой мировой войны по распоряжению военных властей был переселен вглубь России, численно-

стью более миллиона человек, и, согласно Рижскому договору, они должны были возвратиться в Польшу. Некоторые, например, возвращались из-под Челябинска или приволжских районов – из голодающих губерний, где были распространены болезни и свирепствовали эпидемии. Кроме того, дети были сильно истощены как физически, так и эмоционально [21, л. 133–132]. Однако «колония» для русских детей перестала существовать с ноября 1924 г., и только в феврале 1925 г. дети смогли получить визы на въезд в Польшу. До этого момента дети находились в разных бельгийских учебных заведениях, а некоторых разместили у частных лиц. В сложившейся ситуации многие родители пытались добиться продолжения образования детей в Бельгии, так как не могли содержать их за границей за свой счет [7, л. 43].

Но, согласно проведенному анкетированию, большинство родителей отрицательно относились к отправке русских детей за границу, несмотря на тяжелые условия проживания родителей или опекунов. Мысль о длительной разлуке и возможной денационализации детей вызывала отрицательное отношение ко всей этой затее. Поэтому многие люди предпочитали терпеть совместно голод и холод. От русских интеллигентов и священнослужителей неоднократно исходили упреки по поводу отправки русских детей на длительное время в чужие для них условия [22, л. 96].

Другой способ оказания материальной и моральной помощи детям – посредством распространения фотокарточек русских детей с данными об их жизни и нуждах детского отдела РОКК. Этот способ оказания помощи путем адаптации детей на расстоянии, через фотокарточки, давал многим национальным комитетам прекрасные результаты. Несколько тысяч детей, особенно в Австрии, получили таким образом финансовую помощь. Печатали карточки в Швейцарии, и обходилось это достаточно дорого, что в конечном счете влияло на ито-

говую стоимость фотокарточки, которая определялась таким образом, чтобы полученные деньги давали возможность обеспечить дополнительным питанием нуждающихся детей. Например, в Болгарии цена карточки составляла 20 французских франков месяц, в Дании – 10 датских крон за 1 месяц. Как правило, «адаптационные карточки» оплачивались за 3–6 месяцев вперед или равными ежемесячными взносами. Непроданные карточки направлялись в Детский отдел в Париже на имя А. В. Романовой, которая уже занималась дальнейшим их распространением [23, л. 2, 24–29; 24, с. 249].

Таким образом, дети в эмиграции наравне со взрослыми испытали все тяготы жизни: материальную и правовую незащищенность, и, как следствие, были вынуждены работать с самого раннего детства, совмещая работу с занятиями в школе. Как правило, работа была тяжелой и низкооплачиваемой (менее прожиточного минимума). Однако из-за тяжелого материального положения дети-эмигранты соглашались на любую работу. Помимо материальной и правовой защиты дети нуждались еще в моральной помощи, так как, находясь в эмиграции, они столкнулись с изнанкой этого мира (проходить через лишения, несправие, унижения и иногда насилие), что негативно сказывалось на детях, в первую очередь в психологическом плане, приводя в итоге к нарушению дисциплины или различным психическим отклонениям. В сложившейся ситуации многие дети особо нуждались не только в материальной, но еще и в психологической помощи, которую им оказывали различные благотворительные организации (Земгор, Американский Красный Крест, Дамский комитет и другие), школьные заведения и местные эмигрантские организации. Однако из-за большого количества детей и недостатка финансирования они (благотворительные организации) не всегда могли оказывать помощь всем нуждающимся в ней.

Список источников и литературы

1. Алешковский И. А., Бочарова З. С. Беженцы: становление и эволюция статуса и развитие системы защиты // Россия XXI. 2017. № 2. С. 6–27.
2. Бочарова З. С. Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920–1930-е годы // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 161–176.
3. Седова Е. Е. Русская школа в Болгарии как фактор национального самосохранения детей эмиграции // Известия Воронежского гос. пед. ун-та. 2013. № 1 (260). С. 116–122.
4. Седова Е. Е., Швец А. А. Из истории национального воспитания: русский приют в Бельгии (1920–1940-е годы) // Известия Воронежского гос. пед. ун-та. 2017. № 1 (274). С. 73–76.
5. Ратушняк О. В. Церковь и исторические знания как элементы воспитания подрастающего поколения и сохранения национального самосознания казаков в условиях эмиграции // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 3 (64). С. 77–87.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 257.
7. ГАРФ. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 60.
8. Руднев В. В. Условия жизни детей эмиграции. Прага: [б. и.], 1928. 17 с.

9. Микуленок А. А. Организация детских летних эмигрантских русскоязычных учреждений в Польше в 1920–30-х гг. // Вестник БДУ. Серия 3, История. Экономика. Права. 2016. № 3. С. 40–42.
10. ГАРФ. Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 391.
11. Конституция Польской Республики 1926 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=742> (дата обращения: 20.01.2018).
12. Конституция Литовского Государства 1922 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=768> (дата обращения: 20.01.2018).
13. Конституция Румынского Королевства 1923 г. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=748> (дата обращения: 20.01.2018).
14. ГАРФ. Ф. Р-7003. Оп. 1. Д. 16.
15. ГАРФ. Ф. Р-5864. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАРФ. Ф. Р-5864. Оп. 1. Д. 7.
17. ГАРФ. Ф. Р-5864. Оп. 1. Д. 14.
18. ГАРФ. Ф. Р-5864. Оп. 1. Д. 9.
19. Микуленок А. А. Проблема денационализации русских детей в Польше и способы борьбы с ней в 1920–1930-е гг. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2 (244). С. 75–82.
20. ГАРФ. Ф. Р-5875. Оп. 2. Д. 73.
21. ГАРФ. Ф. Р-7003. Оп. 1. Д. 6.
22. ГАРФ. Ф. Р-7003. Оп. 1. Д. 5.
23. ГАРФ. Ф. Р-5816. Оп. 1. Д. 58.
24. Бочарова З. С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. Т. 3 // Русский мир в XX веке: в 6 т. / под ред. Г. А. Бордюгова и А. Ч. Касаева. М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. 336 с.

Микуленок Александра Андреевна, кандидат исторических наук, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (ул. Леваневского, 187/1, г. Краснодар, Россия, 350002). E-mail: klio-alex@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 26.03.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-5-129-135

CONDITION OF REFUGEE CHILDREN IN THE LIMITROPHE STATES IN 1920'S

A. A. Mikulenok

North Caucasian branch of Russian State Law University, Krasnodar, Russian Federation

The article concerns the legal status of refugee children in the interwar period in the limitrophe states. It reflects material and legal status and is based on the data kept in the so called Prague Archive (the Russian Foreign Historical Archive), which is the part of the State Archive of the Russian Federation (SARF). The article includes the analytical data concerning the quantity of refugee children. The article considers not only social and legal status, but also moral condition of refugee children in the limitrophe states and includes common and particular cases of this. The research concerns also living conditions of adults and children in emigration, their complicated material and moral conditions, difficulties which children had to face (either the necessity to work at an early age and, as a result, the inability to attend school, or the employment of parents at work and the inability to educate a child, which ultimately led to disobedience and permissiveness), identifies the factors, which affected this and means of providing assistance to refugee children. The author pays attention to the difficulties, which children faced in emigration: hunger, need, mental and physical violence and denationalization. The author also points out the means of struggle against such a regime and means of providing support from the government and emigration organizations (material support, organization of various children "settlements", summer children camps and refuges) and problems, which they faced while organizing all this work. The author also gives the comparative analyses of refugee children's position in recipient countries and points out that children conditions were different according to the policy of the government towards Russian emigrants and economical situation inside every country. Moreover the direct dependence of legal and material status on economical situation inside the country is also pointed out in the research.

Key words: *Russian emigration, denationalization, charity, the Civil War, Russian speaking population, repatriation, national identity.*

References

1. Aleshkovskiy I. A., Bocharova Z. S. Bezhentsy: stanovleniye i evolyutsiya statusa i razvitiye sistemy zashchity [Refugees: establishment and evolution of the status and development of the protection system]. *Rossiya XXI – Russia XXI*, 2017, no. 2, pp. 6–27 (in Russian).

2. Bocharova Z. S. Pravovoye polozheniye russkikh bezhentsev vo Frantsii v 1920–1930-e gody [The Legal Status of Russian Refugees in France in the 1920–1930-es]. *Rossiya i sovremennyy mir – Russia and the Contemporary World*, 2017, no. 2, pp. 161–176 (in Russian).
3. Sedova E. E., Shvets A. A. Russkaya shkola v Bolgarii kak faktor natsional'nogo samosokhraneniya detey emigratsii [Russian school in Bulgaria as a factor of national self-preservation of children in emigration]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, 2017, no. 1 (274), pp. 73–76 (in Russian).
4. Sedova E. E., Shvets A. A. Iz istorii natsional'nogo vospitaniya: russkiy priyut v Bel'gii (1920–1940-e gody) [From the history of national education: russian orphanage in Belgium (1920–1940 years)]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, 2017, no. 1 (274), pp. 73–76 (in Russian).
5. Ratushnyak O. V. Tserkov' i istoricheskiye znaniya kak elementy vospitaniya podrastayushchego pokoleniya i sokhraneniya natsional'nogo samosoznaniya kazakov v usloviyakh emigratsii [Church and historical knowledge as elements of the younger generation education and preservation of the Cossacks' national/identity in conditions of emigration]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi – St. Tikhon's University Review. Series II: History; History of Russian Orthodox Church*, 2015, no. 3 (64), pp. 77–87 (in Russian).
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5837. Op. 1. D. 257 (in Russian).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5785. Op. 1. D. 60 (in Russian).
8. Rudnev V. V. *Usloviya zhizni detey emigratsii* [Conditions of refugee children's life]. Prague, 1928. 17 p. (in Russian).
9. Mikulenok A. A. Organizatsiya detskikh letnikh emigrantskikh russkoyazychnykh uchrezhdeniy v Pol'she v 1920–30-h gg. [The organization of the Russian-speaking migrant children's summer outdoor institutions in Poland in 1920–30s]. *Vestnik BGU. Seriya 3. Istoriya. Ekonomika. Pravo – Vestnik BSU. Series 3: History. Economy. Law*, 2016, no. 3, pp. 40–42 (in Russian).
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5913. Op. 1. D. 391 (in Russian).
11. *Konstitutsiya Pol'skoy Respubliki 1926 g.* [The constitution of the Polish Republic 1926] (in Russian). URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=742> (accessed 20 January 2018).
12. *Konstitutsiya Litovskogo Gosudarstva 1922 g.* [The Constitution of the Republic of Latvia 1922] (in Russian). URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=768> (accessed 20 January 2018).
13. *Konstitutsiya Rumynskogo Korolevstva 1923 g.* [The Constitution of the Kingdom of Romania 1923] (in Russian). URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=748> (accessed 20 January 2018).
14. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-7003. Op. 1. D. 16 (in Russian).
15. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5864. Op. 1. D. 1 (in Russian).
16. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5864. Op. 1. D. 7 (in Russian).
17. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5864. Op. 1. D. 14 (in Russian).
18. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5864. Op. 1. D. 9 (in Russian).
19. Mikulenok A. A. Problema denatsionalizatsii russkikh detey v Pol'she i sposoby bor'by s ney v 1920–1930-e gg. [The problem of denationalisation of the Russian children in Poland and the ways of fighting it in the 1920s–1930s]. *Nauchno-tehnicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki – St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2016, no. 2 (244), pp. 75–82 (in Russian).
20. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5875. Op. 2. D. 73 (in Russian).
21. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-7003. Op. 1. D. 6 (in Russian).
22. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-7003. Op. 1. D. 5 (in Russian).
23. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archives of the Russian Federation]. F. R-5816. Op. 1. D. 58 (in Russian).
24. Bocharova Z. S. *Russkiy mir 1930-kh godov: ot rastsveta k uvyadaniyu zarubezhnoy Rossii*. T. 3. Russkiy mir v XX veke. V 6 t. [Russian World 1930's: from the flourish till the withering of the foreign Russia. The third volume. Russian world in the 20th century. In 6 volumes. Edited by G. A. Boryugova i A. Ch. Kasaev]. Moscow, Saint Petersburg, 2014. 336 p. (in Russian).

Микленок А. А., North Caucasian branch of Russian State Law University (ul. Levanevskogo, 187/1, Krasnodar, Russian Federation, 350002). E-mail: klio-alex@yandex.ru